не поняли совсем, и немецкий перевод в „Russischen Miszellen“ не точен».[6] Следовательно, Добровскому был известен перевод, напечатанный в 1803 г. в «Russischen Miszellen», и высказанное выше предположение приобретает вероятность.

«Слово» интересовало Добровского не только с точки зрения лингвистической, хотя он главным образом изучал отдельные выражения, слова и грамматические формы текста.[7] Сл. Волльман в своей работе приводит факты, свидетельствующие о внимании Добровского к «Слову о полку Игореве» с точки зрения литературно-эстетической.[8] В частности, его занимала проблема жанра памятника, вопросы о ритмике «Слова», о его авторе.

Сравнение переводов И. Юнгманна (чешского) и И. Мюллера (немецкого)[9] — оба они были выполнены одновременно под руководством Добровского — позволяет с большой достоверностью подтвердить положения чешского исследователя.

Перевод Юнгманна, сделанный в 1810 г., остался в рукописи и только в 1932 г. был издан В. А. Францевым. В предисловии переводчик пишет о непосредственном руководстве Добровского: «Наш великий Чех, его высокопреподобие П. Иоз. Добровский, не только предоставлением выправленной книги, но и своими глубокими советами нас привел к тому, чтобы мы этот драгоценный памятник древности, в высшей степени важный не для одних только русских, но и всех вообще славян, да и всех исследователей языка и любителей поэзии, также нашим дорогим чехам могли открыть».[10]

У Юнгманна, следовательно, была книга Шишкова с замечаниями Добровского. В письме к Ант. Мареку от 9 февраля 1810 г. Юнгманн пишет, что получил «Слово» от Добровского лишь на 14 дней, так что едва успел списать текст латинским шрифтом.[11] Уже 19 апреля он послал Мареку свой перевод. Сл. Волльман предполагает по этому поводу и, как кажется, справедливо — что Добровский привлек к работе над переводами «Слова» сразу нескольких своих учеников: Юнгманна, Мюллера и, возможно, Рожняя (его стихотворный перевод не сохранился).

Это предположение может объяснить также, каким образом Юнгманн за такой короткий срок сумел сделать перевод, если учесть, что он был плохо знаком с русским языком и даже с русской азбукой, в чем он признавался в письмах к тому же Ант. Мареку.

Добровский неоднократно писал о том, что он руководил работой И. Мюллера; например, в письме Копитару от 13 октября 1811 г.: «Под моим руководством был сделан перевод».[12] Когда Я. Пожарский в 1819 г. презрительно отозвался о переводе И. Мюллера, Добровский, защищая

---

[6] И. В. Ягич. Письма Добровского и Копитара. СОРЯС, т. XXXIX. СПб., 1885, стр. 74: «Jgors Gesang, den ich aus Rußland erhielt, würde Sie entzücken. Die Russen haben einige Stellen gar nicht verstanden, und die deutsche Übers[etzung] in den „Russ[ischen] Miszellen“ ist nicht genau».

[7] См.: Slovo o pluku Igorově. Ruský text v transkripci, český překlad a výklady Jozefa Jungmanna z r. 1810. Vydal a úvodem opatřil V. A. Francev, v Praze, 1932, стр. 7. (В дальнейшем: Francev).

[8] См.: Slavomír Wollman. Dobrovský a Slovo o pluku Igorově, стр. 272.

[9] I. Müller. Heldengesang vom Zuge gegen die Polowzer... Prag, 1811.

[10] Francev, стр. 19: „Náš veliký Čech, Vys důstojný P. Joz. Dobrovský, nejenom podáním pravené knihy, ale i svou hlubokozornou radou nám k tomu laskava propůjčil, abychom ten drahý poklad starožitnosti, ne jedněm Rusům, ale všem vůbec Slovanům, ano všechněm jazyka skonmatelům, a basnířství milovníkům předůležity, také našim milým Čechům odkryti mohli“.

[11] Francev, стр. 12.

[12] И. В. Ягич. Письма Добровского и Копитара, стр. 218.